

СЕНАТ И ЕГО РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕРОГАТИВЫ В ПОВЕСТВОВАНИИ ТИТА ЛИВИЯ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ВАКХАНАЛИЙ*

История преследования, которое римский сенат внезапно обрушил на почитателей культа Вакха в 186 г. до н. э., давно привлекает внимание исследователей. Наличие такого эпитафического памятника, как надпись из Тириоли, содержащего текст сенатского постановления о вакханалиях, в сочетании с обстоятельным рассказом Тита Ливия дает уникальную возможность сопоставления документального и литературного памятников. Целью данного исследования является выявить политическую сторону дела о вакханалиях, а также уточнить некоторые аспекты, связанные с религиозными прерогативами сената. Автор приходит к выводу, что политические мотивы играли гораздо более важную роль в действиях римских властей, чем собственно религиозные. Преследуя религиозное объединение, которое, с его точки зрения, потенциально могло перерасти рамки частного сообщества, сенат использовал свои традиционные прерогативы, связанные с религиозным авторитетом этого органа, для решения политических задач.

Ключевые слова: религия, сенат, вакханалии, преследование, полномочия.

Andrey Vasilyev
Saint Petersburg State University / the University ITMO/610 Gymnasium
Petropolitanum. a.v.vasilyev@spbu.ru

Religious prerogatives of the Roman Senate as described in Livy's story about the persecution of the Bacchanalia

The story of the persecution that the Roman Senate suddenly brought down on the worshipers of Bacchus in 186 BC has long attracted the attention of researchers. The presence of such an epigraphic monument as the inscription from Tirioli, containing the text of the Senate resolution on the Bacchanalia, in combination with the detailed story of Livy, provides a unique opportunity to compare the documentary and the literary sources.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>.

The purpose of this study is to clarify the political side of the Bacchanalia case, as well as to clarify some aspects related to the religious prerogatives of the Senate in this case. The author comes to the conclusion that political motives played a much more important role in the actions of the Roman authorities than the strictly religious. Persecuting a religious organization that, in its view, could potentially outgrow the boundaries of a private association, the Senate used its traditional prerogatives associated with the religious authority of this body to solve political problems.

Keywords: religion, Senate, Bacchanalia, persecution, prerogatives.

История римских мистерий в честь Вакха и того грандиозного преследования, которое внезапно обрушило на них Римское государство в 80-е гг. II в. до н. э., всегда привлекала интерес исследователей. Основными причинами этого являются беспрецедентный характер данного преследования, который плохо соотносится с представлением об относительной религиозной терпимости римлян к чужеземным культам, а также наличие в данном случае в распоряжении исследователей двух видов исторических источников, рассказывающих об одном и том же событии. Во-первых, это эпиграфический памятник из Тириоли на юге Италии, обнаруженный в 1640 г. и содержащий изданное сенатом постановление о вакханалиях¹. Во-вторых, это подробный и обстоятельный, хотя и не лишенный некоторых странностей и противоречий, рассказ Тита Ливия о событиях 186 г. до н. э. (Liv. XXXIX, 8–19).

Один из главных вопросов, который встает перед всеми исследователями, занимавшимися этой темой, состоит в том, каковы были причины столь беспрецедентной реакции римских властей на один из многих чужеземных культов, которые находили своих почитателей в Риме после грандиозных побед римлян на Востоке и начала интенсивного проникновения в Рим греческой культуры? В связи с этим стоит и проблема политического и юридического аспектов преследования культа Вакха: какую роль играли политические мотивы при принятии решения о начале преследования, а также насколько правомерным было со стороны римского сената принятие им в этой связи постановлений, напрямую затронувших не только римских граждан, но и союзные города Италии?

При ответе на все эти вопросы следует обратиться к истокам культа Вакха в Риме. Почитание Диониса в Риме под именем

---

¹ Этому памятнику были посвящены следующие специальные исследования: Fraenkel 1932: 369–396; Krause 1936: 214–220; Dihle 1962: 376–379.

Либера было распространено задолго до появления мистерий². Овидий в *Фастах* упоминает священную рощу Стимулы в устье Тибра как место, издревле связанное с вакханками (Ovid. *Fast.* VI, 502–504).

В то же время с конца IV в. до н. э. в эллинистическом мире дионисийский культ получает распространение в частных религиозных объединениях (θιάσοι), которые появляются во многих греческих городах (Diod. IV, 3)³. На рубеже IV–III в. до н. э. мистерии Вакха появились в Великой Греции и далее перекинулись на Сицилию и в Этрурию, о чем говорит обширный археологический материал (монеты, росписи на вазах, гравировки на бронзовых зеркалах)⁴.

По поводу появления мистерий Вакха в Риме существуют различные точки зрения. Ливий в одном месте своего рассказа упоминает жреца и прорицателя грека из Этрурии, который был «руководителем тайных ночных обрядов» (Liv. XXXIX, 8, 3–4) и превратил вакханалии в своего рода преступное сообщество. Немногом далее в рассказе свидетельницы Гиспалы, которую допрашивает консул Спурий Постумий, всплывают совсем иные детали: будто некая жрица Пакулла Анния, уроженка Кампании, изменила заведенный порядок вакханалий, допустив к чисто женскому таинству мужчин, перенеся обряды на ночное время и начав справлять их вместо трех дней в году пять раз в месяц (Liv. XXXIX, 13, 8–9). Вероятно, в рассказе Ливия присутствуют ходившие вокруг вакханалий слухи, отразившиеся в разных источниках.

Многие исследователи полагают, что их распространение могло быть связано с последствиями Ганнибаловой войны и массовых миграций населения из Южной Италии в Центральную и охватывало в основном низы римского общества (рабы, пролетарии, жертвы Ганнибаловой войны, бежавшие из разоренной сельской местности)⁵.

О быстром распространении культа в Риме и связанных с ним негативных слухах, циркулировавших среди простого народа, ярко свидетельствуют некоторые отрывки из комедий Плавта. Так, в

² Если справедлива традиционная датировка, то храм Церере, Либере и Либере на Авентине был посвящен в 493 г. до н. э. О том, что этот культ принял форму именно мистерий говорит, во-первых, наличие некоторых общих правил (например, воздержание от половой жизни в течение 10 дней перед инициацией), сам ритуал инициации, а также обязанность мистов хранить тайну (Бодянский 1882: 17–18).

³ Bruhl 1953: 49–53.

⁴ Bruhl 1953: 61–81.

⁵ Frank 1927: 128–132; Toynbee 1965: 391–393; Dumézil 1970: 516–517.

«Вакхидах» Плавт обыгрывает имена главных героинь в ответе юного Пистоклера, которого они просят о помощи: «Quia, Bacchis, bacchas metuo et bacchanal tuom.» («Потому, Вакхида, что вакханок боюсь и вакханалии твоей» — Plaut. *Bacch.* 53). В пьесе «Клад» повар Конгрион сравнивает дом Эвклиона, где он и его помощники были избиты, с вакханалией (Plaut. *Aul.* 406–414). В «Амфитрионе» раб Сосия уподобляет жену своего господина «обезумленной вакханке» (Plaut. *Amph.* 703–704).

Очень интересно упоминание о вакханалиях в пьесе Плавта «Касина». Миррина в ответ на восклицания Лисидама, пытающегося оправдать свой вид ссылкой на вакханок, отвечает: «Вздор несет с умыслом. Ведь, клянусь Кастором, ныне вакханки вовсе не справляют игр.» (Nugatur sciens. Nam ecastor nunc Bacchae nullae ludunt — Plaut. *Cas.* 981–982). По-видимому, эта пьеса могла быть написана уже после того, как культ подвергся преследованию римских властей.

Перейдем теперь к вопросу о начале преследования культа и его непосредственных причинах. Тит Ливий рассказывает весьма романтическую историю о юноше Публии Эбутии, которого его мать и отчим сговорились погубить с целью завладеть доставшимся ему от отца наследством. Для этого они решили посвятить его в мистерии Вакха, благодаря чему он должен был полностью подпасть под их влияние, но его возлюбленная вольноотпущенница и куртизанка Гиспала Феценция отговорила его проходить посвящение, что вызвало череду событий, вследствие которых обо всем этом стало известно консулу Сп. Постумию Альбину (Liv. XXXIX, 9–13).

Этот рассказ справедливо подвергался сомнениям в историографии. Было отмечено, что он по своему сюжету и манере изложения напоминает театральную драму II в. до н. э., а потому не может восприниматься всерьез (Walsh 1996: 193–199). Вместе с тем, К. Кереньи в своей книге о культе Диониса указывает, что сутью данного рассказа является то, что женщинам для тайного дионисийского культа был необходим юноша, обязательно не старше 20 лет для совершения с ним некоторых обрядовых действий (Kerenyi 2007: 225).

Римские власти обвинили вакхантов в разнузданных ночных оргиях, связанных со смешением полов и развращением юношества (Liv. XXXIX, 13, 10), в различных преступлениях (лжесвидетельства, подделка завещаний, отравления и убийства — Liv. XXXIX, 8, 7–8), а также в незаконных собраниях (Liv. XXXIX, 15, 11–12).

В историографии довольно распространено убеждение, что значительная часть этих обвинений являлась продуктом римской пропаганды, появившимся уже по результатам совершившегося преследования, а истинные мотивы следует искать в иной плос-

кости⁶. Некоторые исследователи видели инициатором преследования М. Порция Катона и тех людей среди римского нобилитета, кто разделял его взгляды и оппонировал филэллинизму Сципионовой партии. Доказательствами этого обычно служили название одной из утраченных речей Катона (*de coniuratione*), а также то, что в надписи из Тириоли в качестве одного из составителей сенатусконсульта упоминается «Л. Валерий, сын Публия» (CIL. I².581), которого в данном случае соотносят с другом и коллегой Катона по цензуре 184 г. до н. э. Луцием Валерием Флакком⁷.

Впрочем, французский исследователь Ж.-М. Пайе, подробно исследовав эту проблему, пришел к выводу о зыбкости подобных оснований и стремлении историков на основании сложившегося в историографии образа «Великого инквизитора» приписать инициативу данного преследования Катону. На самом деле инициатором в рассказе Ливия явно выступает сам консул Спурий Постумий (Pailler 1986: 29–39).

В конечном счете, большинство современных исследователей сходится в том, что преследование участников вакханалий явилось следствием целого комплекса причин, главными из которых были следующие: превращение мистерий в альтернативную социальную организацию с иерархической структурой, угрожавшую с точки зрения римских властей государственному порядку, а также стремление римского сената продемонстрировать и утвердить собственную власть и авторитет не только в Риме, но и среди италийских союзников⁸.

Следует отметить, что для организации полномасштабного преследования римские власти использовали юридическую категорию *coniuratio* (заговор), которая позволила им пойти на чрезвычайные меры, вплоть до применения вооруженной силы, о чем упоминает Цицерон в трактате «О законах» (Cic. *De leg.* II, 37).

Р. Бауман полагает, что поскольку использовать войска в городе консул не мог, во время созданной им сходки было объявлено *evocatio*, то есть чрезвычайный призыв воинов, не принесших присягу (*milites tumultuarii*), которые и были использованы для расправы с участниками культа Вакха в городе. Именно поэтому консул сделал особый акцент в своей речи на то, что *rex deorum* вследствие их действий не будет нарушен (Bauman 1990: 344).

⁶ Ihne 1876: 218–222; Toynbee 1965: 391; Burkert 1987: 105; North 1979: 93–95; Gruen 1990: 65.

⁷ De Sanctis 1969: 583–584; Tarditi 1954: 277; Scullard 1973: 147, 259.

⁸ Bauman 1990: 347; Walsh 1996: 199; Takács 2000: 306–307.

Э. Грюн посвятил в своей монографии отдельную главу делу о вакханалиях и подробно проанализировал всю историю их преследования в Риме. Он утверждает, что у сената не было никаких оснований опасаться какого-то ущерба для традиционной римской религии или тем более государственного переворота со стороны вакхантов (Gruen 1990: 61).

В надписи из Тириоли не упоминается ни одного из тех преступлений, которые им приписывает Ливий (Liv. XXXIX, 8, 7–8), но зато запрещается без особого разрешения со стороны городского претора и сената вступление кого-либо из римских граждан, латинов или союзников в мистерии, предписывается уничтожение мест культовых собраний, запрещаются сходки свыше 5 человек (не более двух мужчин и трех женщин) для священнодействий, а также избрание жрецов и магистратов, принесение торжественных клятв и обещаний (CIL I². 581).

По мнению Грюна, встречаемые у Ливия обвинения в адрес вакхантов были продуманной пропагандистской кампанией, направленной на то, чтобы получить общественное одобрение репрессивных действий, которые были предприняты вопреки нормальной юридической процедуре. Парадоксальный вывод автора состоит в том, что заговор имел место, но это был не заговор вакхантов, а заговор тех, кто стремился расправиться с ними (Gruen 1990: 65).

Кампания против вакханалий явилась, по мнению автора, средством, которое сенат использовал, чтобы присвоить себе исключительные и беспрецедентные судебные полномочия. Поручение консулам расследовать дела о вакханалиях *extra ordinem* без санкции со стороны комиций влекло за собой узурпацию сенатом исключительной власти. Подобная узурпация шла рука об руку с распространением сферы действия этой власти на земли и общины всей Италии. Инструкции местным властям и должностным лицам, которые рассылались по всему полуострову и отголоском которых явился и столь ценный для нас эпиграфический памятник из Тириоли, также были беспрецедентными по тому размаху, с которым сенат вмешивался во внутренние дела латинских и союзнических общин. Таким образом, дело о вакханалиях предстает поводом для расширения и утверждения римским сенатом собственной судебной власти, как в Риме, так и на территории всей Италии⁹.

Похожая точка зрения была высказана в недавней статье итальянского исследователя А. Кошиа. Автор утверждает, что в случае с вакханалиями не было допущено даже применение права провокации в отношении тех из осужденных, которые были

---

⁹ Gruen 1990: 72–74.

римскими гражданами, которое было основополагающей гарантией от произвола властей. Само преследование автор сравнивает с «охотой на ведьм», полагая, что сенатом специально были созданы подобные условия с целью эффективного ограничения индивидуальных прав на собрания (Cosia 2012).

Попробуем разобраться так ли это и были ли действия сената и в самом деле узурпацией власти. Начнем с того, что уже в законах XII таблиц была прописана норма о запрете ночных сборищ (VIII, 26 = Lampo. *Decl. in Catil.*, 19). Не случайно консул Постумий в речи, обращенной к народу на сходке, особенно акцентирует внимание публики на том, что «предки не разрешали гражданам самовольных, неорганизованных сходок» (Liv. XXXIX. 15.11) за исключением народных собраний и сходок, созванных кем-либо из избранных магистратов, а всюду, где собиралась толпа, считалось необходимым присутствие законного ее руководителя (*legitimum rectorem*).

Что касается религиозной стороны вопроса, то римский сенат неоднократно вмешивался в вопросы культа, запрещая или ограничивая те или иные формы чужеземных обрядов. Как сообщает Ливий, в 428 г. до н. э., когда вследствие эпидемии, обрушившейся на город, народ оказался охвачен чужеземными суевериями, «эдилам было поручено проследить, чтобы никакими иными способами, кроме принятых в отечестве, и никаким иным богам, кроме римских, не поклонялись» (Liv. IV, 30, 10–11).

Похожая история произошла во время Второй Пунической войны в 213 г. до н. э., когда, как передает Ливий, «от римских обрядов отрекались не тайком, не в своих четырех стенах, а публично» и даже «на форуме и Капитолии толпа женщин молилась и приносила жертвы не по отеческому обычаю» (Liv. XXV, 1, 6–7). Характерно, что и в этом случае сенат сначала обращается к эдилам и уголовным триумвирам (Liv. XXV, 1, 10), а после их неудачи поручает городскому претору прочесть на сходке сенатусконсульт о запрете на жертвоприношения по чужеземному обряду и необходимости в определенный срок сдать претору хранящиеся дома книги предсказаний и молитв (Liv. XXV. 1. 11–12).

В недавней статье было отмечено, что оба постановления сената (213 и 186 гг.) Ливий предваряет аналогичными по структуре и смыслу емкими фразами, которые в целом заменяют собой содержание, собственно, самих постановлений (Sukharev 1973: 96). Первые шаги сената в обоих случаях практически идентичны, за исключением того магистрата, к которому сенат обращается с поручением предпринять те или иные действия. Складывается впечатление, что речь идет об обычной процедуре и в случае с делом о вакханалиях лишь размах предполагаемого заговора заставляет сенат сразу же обратиться к консулам.

Вопрос о чрезвычайных трибуналах (*quaestiones extraordinariae*) был подробно разработан еще П. Г. Виллемсом в его классическом труде о римском государственном праве. Назначение подобного трибунала в исключительных случаях по желанию сената или народа подразумевало беспепелляционный приговор, поэтому в данном случае сенат действовал вполне в римском правовом поле (Willemms 1888–1890: 195–196).

Если мы взглянем на проблему взаимоотношений Рима и союзников, то и в этом случае сенат не узурпировал никаких новых полномочий, которые бы не использовались им ранее. В конце IV в. до н. э. сенат довольно часто прибегал к декретированию специальных следствий (*quaestiones*) для искоренения предполагаемых заговоров в рядах союзников.

Так, в 314 г. до н. э., когда среди Капуанской знати стали возникать тайные заговоры (*occultae principum coniurationes*), об этом было доложено сенату, и он постановил избрать диктатора для проведения расследования по этому делу (Liv. IX, 26, 5–6).

Десять годами позже *quaestio* проводится уже консулами и вновь по постановлению сената. На этот раз оно было проведено среди племени фрузитанов, подстрекавших герников к мятежу. Зачинщики этого заговора были высечены розгами и обезглавлены топором (Liv. X, 1, 3).

Тот факт, что для большей части III в. до н. э. состояние нашей источниковой базы не позволяет нам сколько-нибудь подробно судить о внутренней истории Рима, может подразумевать, что и в этот период сенат продолжал осуществлять подобные функции.

В данном контексте беспрецедентным кажется лишь размах и длительность преследований, но не формальные процедуры, использованные для их осуществления.

Чем же закончилось дело о вакханалиях. Ливий сообщает, что многие участники мистерий были извещены письмами своих друзей в Риме о сенатском решении, что вызвало панику и оцепенение. Утверждалось, что в заговор были вовлечены свыше 7000 мужчин и женщин. Были схвачены его руководители — Марк и Гай Атинии из римлян, Луций Опитерний из Фалерий, а также кампанец Миний Церрений. Большинство из тех, кто был арестован, были казнены, но некоторые — оставлены под стражей. Именно тогда был принят сенатусконсулт, зафиксированный в надписи из Тириоли, а консулы отправились по Италии, чтобы разыскивать и судить заговорщиков на местах (Liv. XXXIX, 17–18).

Впрочем, преследования вакхантов продолжались в течение нескольких лет после принятия сенатского постановления. Ливий сообщает о действиях претора Луция Постумия в Таренте в 184 г. до н. э. против скрывающихся там заговорщиков (Liv. XXXIX, 41. б), а также о том, что в 181 г. до н. э. Луцию Дуронию было поручено завершить начатое Луцием Пупием в Апулии

расследование о вакаханалиях и «искоренить это зло, чтобы оно еще раз не расплозлось» (Liv. XL, 19. 9–10).

В заключение еще раз вернемся к вопросу о мотивах сената в организации столь масштабных преследований. Очевидно, что инородность культа Вакха или его оргиастический характер не могли быть причинами его преследования, поскольку еще в 205 г. до н. э. в Риме был официально после обращения к Сивиллиным книгам учрежден культ Кибелы после того, как в город перевезли ее священный камень из Пессинунта (Liv. XXIX, 10–11). Культ этот был не в меньшей степени скандальным и приходил в противоречие с традиционными римскими добродетелями. Тем не менее, он был учрежден с санкции сената и под его контролем. Напротив, в культе Вакха сама спонтанность его распространения и невозможность установить контроль над вакханалиями вызывала реакцию римских властей (Cosia 2012).

С другой стороны, как было отмечено Дж. Нортон, было бы неправильным в данном случае разделять политический и религиозный аспекты, поскольку возможность религиозного преследования практически неизбежно следует за изменением природы религиозной организации (North 1979: 95–97). Ритуалы инициации, общая касса, специализация индивидуальных ролей внутри группы и определенная иерархия, о которой говорит содержащийся в тексте сенатского постановления запрет кому-либо становиться жрецом (*sacerdos*), магистратом (*magistratus*) или промагистратом (*pro magistratu*), торжественные клятвы и обеты, даваемые в присутствии друг друга, — все это разительно отличало культ Вакха от других чужеземных культов, получивших распространение в Римской республике II в. до н. э.

В связи с этим можно вспомнить также слова В. Буркерта о том, что жестокость преследования вакханалий может объясняться страхом перед появлением внутри римской общины «другого народа», который со временем сможет вытеснить *populus Romanus* из его собственных пределов (Burkert 1987: 52). Возможно, именно поэтому преследование подобного размаха не имело прецедентов в истории Римской республики и его можно сравнить с преследованиями христиан уже в эпоху Империи. Ведь, этот страх реализовался именно тогда, когда христиане двумя столетиями позже в каком-то смысле провозгласили себя новой *civitas*, которая пришла на смену старой.

Литература

- Bauman, R. A. 1990: The Suppression of the Bacchanals: Five Questions, *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 39, 3, 334–348.
- Bodyanskii, P. N. 1882: *Rimskie vakhanalii i presledovanie ih v VI veke ot osnovania Rima* [Roman Bacchanalia and their persecution in the VI century from the founding of the Rome]. Kiev. Бодянский, П. Н. 1882: *Римские вакханалии и преследование их в VI веке от основания Рима*. Киев.
- Bruhl, A. 1953: *Liber Pater, Origine et expansion du culte dionysiaque à Rome et dans le monde romain*. Paris.
- Burkert, W. 1987: *Ancient Mystery Cults*. London.
- Cosia, A. 2012: Congiure e società segrete nel II secolo A.C., *Redazione Acam.it*. URL: <http://www.acam.it/i-baccanali-la-repressione-di-un-culto-religioso-nella-roma-antica/> (Date of issue: 20.10.2018).
- Dumezil, G. 1970: *Archaic Roman religion* 2. Chicago.
- De Sanctis, G. 1969: *Storia dei Romani* 4.1. Firenze.
- Dihle, A. 1962: Miscellen zum SC de Bacchanalibus, *Hermes* 90, 3, 376–379.
- Fraenkel, Ed. 1932: Senatus consultum de Bacchanalibus, *Hermes* 67, 4, 369–396.
- Frank T. 1927: The Bacchanalian Cult of 186 B.C., *Classical Quarterly* 21, 128–132.
- Gruen, E. S. 1990: *Studies in Greek culture and Roman policy*. Leiden.
- Ilne W., 1876: *Römische Geschichte von der Gründung Roms bis zum Kaiserthum* 4. Leipzig.
- Kerenyi, K. 2007: *Dionis: Proobraz neissyakaemoi zhizni* [Dionysus: the prototype of inexhaustible life]. Moskva.
Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни. Пер. с нем. А. В. Фролова, Л. Ф. Поповой. М.
- Krause, W. 1936: Zum Aufbau der Bacchanal-Inschrift, *Hermes* 71, 2, 214–220.
- Musiak, D. 2010: “Postumius” speech of Livy and Bacchanalian Affair, *Akme. Studia historica* 6, 3–23.
- North, J. A. 1979: Religious toleration in republican Rome, *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 25 (205), 85–103.
- Pailler, J.-M. 1986: Caton et les Bacchanales: seduction et ténacité d’un mirage historique, *Papers of the British school at Rome* 54, 29–39.
- Scullard, H. H. 1973: *Roman politics*. 2nd ed. Oxford.
- Sukharev, A. K. 2010: K voprosu o sootnesenii tak nazyvaemogo “senatus consultum o vakhanalijah” iz Tirioli i soobshenia Tita Livia o presledovanii vakhanalij v Rime [On the question of comparison between the so called senatus consultum de Bacchanalibus from Tirioli and the evidence of Titus Livy about the persecution of Bacchanalia in Rome], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria: Istoria i politicheskie nauki* 4–5, 91–98.

- Сухарев, А. К.: К вопросу о соотнесении так называемого «сенатусконсульта о вакханалиях» из Тириоли и сообщения Тита Ливия о преследовании вакханалий в Риме, *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки* 4–5, 91–98.
- Takács, S. A. 2000: Politics and Religion in the Bacchanalian Affair of 186 B.C.E., *Harvard Studies in Classical Philology*. 100, 301–310.
- Tarditi, G. 1954: La questione dei Baccanali a Roma nel 186 A.C., *La Parola del Passato* 9, 163–196.
- Toynbee, A. J. 1965: *Hannibal's legacy: the Hannibalic war's effects on Roman life* 2. London.
- Walsh, P. G. 1996: Making Drama out of crisis: Livy on the Bacchanalia, *Greece & Rome* 43, 2, 193–199.
- Willems, P. G. 1888–1890: *Rimskoe gosudarstvennoe pravo* [Roman state law]. Kiev.
- Виллемс, П. Г. 1888–1890: Римское государственное право. Пер. с фр. под ред. П. Н. Бодянского. Киев.